

УДК 141.319.8**Онтологическая безопасность личности в экзистенциально-феноменологической концепции Р. Лейнга****Хомяков Андрей Леонидович**

Аспирант,
кафедра социологии и философии,
Смоленский государственный университет,
214000, Российская Федерация, Смоленск, ул. Пржевальского, 4;
e-mail: nikezenhoror17@gmail.com

Выражаю благодарность моему научному руководителю доктору философских наук, профессору кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета Баринкову Дмитрию Николаевичу за помощь в подготовке текста статьи.

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия реальности, выявлению отличий в механизмах защиты в социальных взаимодействиях шизоидного и здорового типа поведения. На основе этого анализа автор описывает свою экзистенциально-феноменологическую концепцию и выявляет черты онтологической безопасности в рамках «нормы» и патологии. В заключении показано, что экзистенциально-феноменологическая концепция онтологической безопасности личности Р.Д. Лейнга показывает новое видение психического здоровья. Шизофрения как патология – это не есть сплошное безумие и правильное понимание онтологической безопасности это нам и показывает. Достижение подлинности, видится Лейнгу, вслед за Хайдеггером, в заброшенности и безумии, это путь истинного исцеления.

Для цитирования в научных исследованиях

Хомяков А.Л. Онтологическая безопасность личности в экзистенциально-феноменологической концепции Р. Лейнга // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 4А. С. 125-133.

Ключевые слова

Онтологическая безопасность, онтологическая уверенность/неуверенность, норма, патология, шизофрения.

Введение

На протяжении исторических времен, к проблеме рассмотрения психического заболевания относились с разных теоретических позиций. Вплоть до конца XVIII в. психические расстройства описывались как проявления безумия. Наука о душевных заболеваниях не могла стоять на месте и постепенно начали оформляться более гуманные формы взаимодействия с пациентами. Главный врач одной из больниц революционной Франции Филипп Пинель, решил проявить милосердие к больным и снял их с цепи, с целью снизить возможные болевые пороки и притеснения [Каннабих, 2002, 560 с.]. Такой подход первоначально не был всесторонне замечен, но вскоре, уже в середине XIX столетия его теоретические воззрения наконец обрели отклик.

В конце XIX в. выделяются два типа психиатрических школ: психоанализ З. Фрейда и позитивистская медицина Э. Крепелина. Фрейд описывал нервное расстройство как механизм сублимации, цель – выпустить запретные бессознательные желания в мир реальных ощущений. Крепелин, в свою очередь, воспринимал расстройство, как набор симптомов и связывал безумие лишь с деградацией умственных и эмоциональных способностей. На практике, позитивистская теория не смогла объяснить возникновение душевного расстройства у пациентов не имеющих биологических поражений в мозге [Marnenos, 1999, с. 17]; [Engstrom, www...]; [Cromwell, 1975, с. 593].

Дальнейшее развитие психиатрии было связано с феноменологическим подходом, воспринимая психологическое заболевание как потерю связи человека с внешним воспринимаемым миром. Разрушение внутренней телесности разума вело к недостаточности восприятия, лишь восстановление баланса приведёт к выздоровлению. Э. Штраус, Л. Бинсвангер впервые начинают обращаться к внутреннему опыту больного, а не к симптоматике. Возникающая болезнь, это новый способ взаимодействия, несущий свою уникальную экзистенцию. Использовали методы подробного интервьюирования больного, структурный анализ (Е. Минковский), как попытку выявить основное нарушение, предшествующее психозу; категориальный анализ внутреннего мира больного (Г. Элленберг [Элленберг, 2001, с. 201-236]). [Улановский, 2007]

Основная часть

Настоящим прорывом стало появление на научном поприще норвежского психоаналитика Р. Лейнга. Являясь чрезвычайно активным студентом, Рональд выражал явное несогласие с устоявшимися формами медицинской поддержки больных психическими расстройствами. Его авантюризм совпадал с наметившимися трансформациями в медицинской мысли 1950х-60 гг. и уходе в движение антипсихиатрии Власова, 2012, 464 с.]. Главным и уникальным маркером в его творчестве стал диагноз шизофрении. Он принимал позицию Блейлера в том, что шизофреническое состояние имеет скрытую симптоматику и свою особую внутриспсихическую реальность. Именно на этом фундаменте Лейнг и выстраивает свою экзистенциально-феноменологическую концепцию онтологической безопасности [Bleuler, 1911].

Лейнг представляет описание и сравнение внутреннего мира здорового и шизоидного типа поведения. Цель такого сравнения выявить отличия в восприятии реальности, проанализировать механизмы защиты, в условиях социальных взаимодействий. В развитии шизоидного типа поведения лежит процесс онтологической неуверенности, с рождения каждый из нас формирует

вокруг себя узел онтологической защиты, особенно это видно на примере взаимодействия ребенка и матери. Лейнг указывает, что помимо физического рождения, есть экзистенциальное рождение, которое состоит в ощущении себя живым, отдельным от остальных. При устойчивом протекании данного процесса формируется стабильная структура бытия, его переживания гибкие и пластичные. Эмми Ван Дорцен видит связь такой защиты в противовес экзистенциальной тревоге, что характерно для большинства людей [Deurzen, 1998, с. 10].

Анализируя онтологическую безопасность Лейнг рассматривает её в виде двух противоположных полюсных состояний: онтологической уверенности/неуверенности. Полюс онтологической неуверенности является центральным в его работах и рассматривается через раскол внутреннего «Я». Проводя исследование переживаний личности, Лейнг выводит два уровня онтологической безопасности. Первичный уровень, непосредственно связан с нашим экзистенциальным рождением, обретением и становлением своего личностного микромира и твердым нахождением в нём. В этом плане, личность которая принимает себя и других как цельную, действительную основу, воспринимает опасности как не угрожающие её самообосновывающей реальности. Она не нуждается в подтверждениях, в дополнительных гарантиях своего существования, для неё мир и процессы, происходящие в нём неизменны, субстанциональны. В этом и состоит её онтологическая безопасность, мир вокруг не является угрозой для её экзистенции. Вторичный уровень безопасности связан с нашим внутренним миром, с ощущением согласованности в структуре «Я-Тело».

Онтологически неуверенная личность не воспринимает себя и других во времени и пространстве, ей постоянно требуется подтверждение извне. При этом сами контакты с обществом опасны и угрожающи. Такая личность всегда находится в поисках новых способов поддержания своей реальности и балансирует между двумя ориентирами: «...полная изоляция и полная слияние индивидуальностей...» [Лейнг, 2002, Расколотовое Я, с. 49]. Одним из таких способов становятся фантазии, именно они помогают поддерживать свою безопасность. В маскировке появляется возможность стать кем угодно, а значит действовать можно свободнее, вариативность повышается, мир приобретает объемность. «Если «я» не знают, оно — в безопасности. Оно находится в безопасности от проникающих замечаний, от удушения и поглощения любовью, а также и от разрушения ненавистью» [Лейнг, 2002, Расколотовое Я, с. 174]. Личности с психотическими расстройствами имеют жалобы на нехватку эмоций, на опустошенность внутри, им не хватает дополнительной ценности, жизненности. «... и для того, чтобы оказаться в безопасности от постоянных угроз со стороны мира, отрезает себя от прямой связи с другими и предпринимает попытку стать своим собственным объектом, в сущности, стать связанным непосредственно только с самим собой. Его кардинальными функциями становятся фантазия и наблюдение».

Личность, которая определяет своё бытие как надежное, не угрожающее, ей внутренние и внешние контакты приносят удовлетворение. В другом случае, если такой контакт разрушителен, то узаконенная реальность подрывается, она представляет угрозу для индивидуума. Принятые характеристики напрямую связаны с сохранением личностной автономии, если она подрывается, то такой индивидуум начинает отрицать индивидуальность другого, ради сохранения своей. Из этого вытекает ещё одна черта онтологической безопасности: личностная автономия, то есть способность свободно перемещаться в пространстве, не сливаясь с другими. «Способность переживать самого себя как автономного, означает, что человек действительно стал осознавать, что он есть личность, отделенная ото всех остальных» [Лейнг, 2002, Расколотовое Я, с. 49].

В продолжении, Лейнг выделяет три формы тревожных состояний, которые ярко показывают всю динамику поведенческого модуса бытия онтологически неуверенного в себе индивидуума. Первая из них заключается в боязни подрывания своей автономности – это есть поглощение. Данная форма связана с тем как нас воспринимают другие, с одной стороны нам важно быть правильно понятым, но полное раскрытие влечет за собой небезопасность. Вторая форма тревоги связана с боязнью столкнуться с реальным миром. Внешний мир воспринимается как взрывоопасный, и с целью не допущения проникновения во внутренние чувства, личность шизоида всячески пытается себя защитить. Её повсюду окружают травмирующие триггеры. Следующее тревожное состояние именуется и состоит в окаменении. Описывается, как боязнь стать обезличенным, подобно камню, роботу, любой формы автоматизированной системы. Ему свойственно переживание, его «... пугает возможность стать не более чем вещью в мире другого, не обладающим собственной жизнью, собственным бытием» [Лейнг, 2002, Расколотое Я, с. 99].

С целью предотвращения опасностей, исходящих из описанных тревожных состояний, невротическая личность использует следующие методы: внешнее согласие с другим и обратное окаменение. С этой целью невротики воспринимают других как неодушевленные вещи. Им не хватает жизненности внутри и тем самым они лишают её и других. Единственный минус такой кропотливой работы ума: отрицая онтологический статус другого, снижается собственный уровень онтологической безопасности.

Следующей чертой онтологической безопасности, по Лейнгу, является ощущение своей воплощенности, телесности. Воплощенность состоит в ощущении связанности со своим телом, такая личность целостна. Психическое расстройство нарушает контакт с телом и возникает ситуация внутреннего раскола. В условиях стресса, шизоид отдаляется от своего тела, ему характерна нездоровая форма переживания себя. В такой ситуации не воплощенности личность не воспринимает телесных расстройств и добивается некой условной безопасности. Черта воплощенности напротив ощущает все испытания тела. Разделенное «Я» остаётся в позиции наблюдателя и не зависит от тела, оно лишь критикует и оценивает его воздействия. Такая позиция не вовлекаемого положительно сказывается на безопасности, но в общей структуре может диагностироваться как начало психоза.

Известно, что и нормальный человек может терять связь с телом, к примеру, попадание в закрытое помещение или любое иное безвыходное положение, вызывают пугающую реакцию. И порой единственный выход, это выйти из тела, но это временная ситуация. Для параноика эти ощущения не временны, он постоянно находится в состоянии побега от реальности, она его преследует. Такой личности приятней находиться в собственных фантазиях, чем заниматься чем-то реальным, к тому же он сам становится не реальным. Разрушение фантазий приводит к краху «я».

Резюмирую выше сказанное, мы подводим к тому, что воплощенное «я» состоит из следующих маркеров: самодостаточность, телесность, способность к самостоятельному выстраиванию жизненного пути, такая личность ощущает не только себя, но и других, чувствуя и формируя цельную связанность объектов. Невоплощенное «я» отделяет себя от тела, формируется структура «Я-Тело-Другие», вместо онтологически защищенной структуры «Я/Тело –Другие». Его мир не реален и чтобы почувствовать себя хозяином он создаёт особый внутренний микрокосм, наделяя его не существующими, мифическими героями и программами. Дж. Миллс утверждает, что: «в разделенном я не существует единственного ложного я, но только частично развитые фрагменты, которые могли бы составить индивидуальность» [Tillich,

1952].

Лейнг проводит анализ структуры «Я», выделяя в ней «ложное Я». Под «ложным» «Я» понимается состояние, когда личность не осознает свою истинную идентичность и принимает другие роли в угоду окружающим. Такой механизм защиты не позволяет быть самим собой. Чтобы стать условно невидимым мы порой надеваем социальные маски, с целью скрыть истинность своих мотивов. Такие решения вполне нормальны для обычного человека, но для шизоида такая маска начинает претендовать на лидирующее место, заменяя реальное намерение ложным впечатлением. Шизоид начинает выполнять действия в угоду своей маске, «ложное Я» ощущается им как бесцельное, несвязанное состояние. Признаки угодливости: страх, ненависть, олицетворение себя другим. Принимая форму олицетворения, личность теряет свой истинный облик, всё больше смешиваясь с разыгрываемой ролью. Изначальное приспособление незаметно подменяет внутреннее начало, заменяя его некой странностью, принимая чрезмерные формы, всё больше напоминая карикатуру. В это время внутреннее я, видит угрозу в принятии в себя чужеродной индивидуальности, оба я смешиваются.

Для шизоида опасен зрительный контакт, так как взгляд другого буквально проникает в его внутреннее я. Такие повышенные ощущения собственной видимости создают ложные восприятия и угрозы. Это очень характерно для подростков, которые при взаимодействии, в особенности со взрослыми, могут испытывать страх, смущение, покраснение лица. Такое чувство вины, это не в прямом смысле застенчивость, скорее состояние беспокойства, когда кто-то узнает твой секрет, или твой опрометчивый поступок, который ты хотел бы скрыть. Такие проявления говорят о неспособности к свободной автономии. Взгляды окружающих зачастую воспринимаются как нежелательные и всегда с негативным оттенком. Самосознание, в вопросе онтологии уверенности, играет двоякую роль:

1. С одной стороны, то что тебя осознают другие, это подтверждение того, что ты существуешь, что это реальность она твоя. Проблема в том, что свой мир считаешь нереальным, поэтому единственный метод найти себя, это увидеть отражение в мире другого;

2. С другой стороны, обычный фактор видимости/невидимости, если ты виден, то твоё положение потенциально опасно и наоборот. Поэтому возникает потребность в невидимости. Ты виден, значит можешь быть атакован, это биологический риск. При особой форме невропатологии происходит подмена мира вокруг себя, при котором теряется своё истинное состояние. Пациент теряет своё бытие и на время попадает в небытие, чтобы придать этому вес, воспринимает как игру. «Невроз есть способ избегания небытия путем избегания бытия» [Лейнг, 2002, Я и Другие, с. 24].

Будучи тем самым «я»-в-фантазии, оно становится фактически улетучившимся. Такое «я» не может переживать, оно замкнуто, становится пустым, в это время, ложное «я» просто не способно адекватно среагировать на происходящее в реальности. Ложное начинает создавать новую систему, но «я внутреннее» фантазии считает основными, проверка истинности не проводится, да и невозможно.

Система фантазий и связанных с ней переживаний ярко описывается Р. Лейнгом в работе «Я и Другие». Здесь показывается, что само по себе психическое расстройство есть социальный факт, а не медицинское событие, имеется ввиду, важность социальных взаимодействий. Фантазии, которые на первый взгляд, видятся как бессознательные, напротив реальны и действительны. Лейнг справедливо приходит к выводу, что восприятие переживаний другого, всегда наталкивается на наши внутренние фильтры и понять истинно другого, это сложная вещь. «Фантазия «реальна в переживании субъекта»» [Лейнг, 2002, Я и Другие, с. 76].

Ещё одним социальным моментом, в плане переживаний, является конструкция комплементарной идентичности. Она проявляется в том, что каждому из нас важно играть роль для другого и принятие этих ролей способствует устойчивым эмоциональным связям. Для того чтобы самоидентификация удалась, нужно наличие другого субъекта. Искаженные идентичности создают иллюзии комплементарности, что ведёт к зависимостям. «Комплементарностью я называю такую функцию человеческих отношений, посредством которой другой позволяет осуществиться “я” или придает ему определенную цельность» [Лейнг, 2002, Я и Другие, с. 76]. Ощущение своей идентичности, позволяет чётко понимать и чувствовать время, пространство, что можно считать прямым проявлением онтологической уверенности.

Существуют обратные ситуации, когда принятая на себя роль, идентичность не способствует уверенности в своём бытии, так как она не находит ответа от другого. Невозможность отказаться от такого положения дел, приводит к мистификациям и конфликтам. Правильно принятая идентичность способствует нахождению себя, это как раз тот инструмент, который может помочь избавиться от внутреннего раскола. Окончательный вывод состоит в том, что неправильно выбранная комплементарная идентичность может снизить доверие к своим эмоциональным реакциям и привести к онтологической неуверенности.

Лейнг в рамках своих исследований большое внимание уделяет отношениям внутри семьи, они чрезвычайно влияют на онтологическую безопасность. Принято считать, что истинные отношения в семье основаны на доверии и гармонии, семейное убежище, по своей природе безопасно. Каждый её член выполняет каждодневные функции на благо родного человека. В таком ключе описания, семья выполняет роль защиты. Если семейные отношения дезорганизованы и дисфункциональны, то личность, не получающая поддержки, всё больше отдаляется. Ей приходится заново приспосабливаться к миру вокруг, неизбежны потери своей индивидуальности, надежности мироощущения. По Лейнгу, основная функция семьи – это подавление Эроса, она даёт лишь ложную безопасность. Ожидать, что другой будет всегда комплементарен к тебе, есть условие будущей потери своей идентичности. В попытках остаться внутри семьи, шизофреник обжигается снова и снова. «В поисках безопасности они цепляются за то, что их напугало ...» [Лейнг, 2002, Я и Другие, с. 133].

Современное время, по мнению Лейнга, оно совсем не про уютную безопасность. Как не странно и действительно факт, эволюционный закон работает повсеместно – выживают наиболее приспособляемые, хитрые и скрытные. Только реальный анализ опасностей, помогает избежать ненависти со стороны тех других, которые так и хотят заманить нас в свою навязанную игру. Выходом может быть смена правил небезопасной игры, но не её потеря. Потенциальным психотикам важно наличие игры: «Человек реагирует отчаянием скорее на потерю игры, чем на безвозвратную «потерю объекта ...». «Гораздо важнее поддержать игру, чем сохранить самоидентичность игроков» [Лейнг, 2005, Феноменология переживания, с. 56].

Выше, мы рассмотрели черты онтологической безопасности, Лейнг описал её как в норме, так и в патологии, через поведение онтологически неуверенного шизофреника. Онтологическая безопасность в её нормальном проявлении есть твердое ощущение надежности своего бытия, с неизменностью своей идентичности. Её основные черты: автономность, воплощенность и телесность. Стоит сказать, что такой модус поведения, по Лейнгу, очень дорого обходится человеку: «...механизация человеческих отношений, безразличие и “ложное сознание”, позволяющее человеку ориентироваться в “системе социальных фантазий ...» [Лейнг, 2005, Феноменология переживания, с. 16]. Лейнг критикует социальную норму: большая глупость

переживать и думать, что ты не «нормальный». «То, что мы называем “ нормальным” , — это результат вытеснения, отрицания, расщепления, проекции, интроекции и других форм деструктивного воздействия на переживание» [Лейнг, Феноменология переживания, 2005, с.36].

Онтологическая безопасность в патологии соотносится с потерей чувства своей идентичности, мир представляет угрозу экзистенции, первичная безопасность отсутствует. Здесь преимущественно можно выделить следующие черты: скрытность, изоляция, боязнь быть понятым, не воплощённость, внутренний раскол. Возникает вследствие следующих причин: нарушение внутрисемейной коммуникации и социальных связей; неправильно подобранная лечебная терапия; отсутствие организованной экзистенциальной рефлексии; социальная дезинтеграция и травмирующий опыт взаимодействия; слабая адаптируемость к произвольным изменениям и новшествам. Автор, через опыт шизофреника показывает, что психоз – это реальный опыт потери своей идентичности.

Заключение

В заключение отметим условия реализации онтологической безопасности. Во-первых, каждый из нас, нуждается в доверительных, стабильных и предсказуемых отношениях, как семейных, так и в рабочих связях. Возможность свободно выражать свои намерения в системе «я-мы-другие», помогает чувствовать себя безопасно. Во-вторых, важно наличие поддерживающей, социальной, безопасной среды, как в физическом, так и в эмоциональном планах. В-третьих, Лейнг настаивает на изменении практики лечения, терапевтической работы, гарантом безопасности может служить не столько выявление симптоматики заболевания, но и понимание внутренней боли пациента. Завершающий момент реализации, это умение вовремя реагировать на сигналы своего тела, гарантом будет служить экзистенциальная рефлексия.

По итогу, экзистенциальная-феноменологическая концепция онтологической безопасности личности Р.Д. Лейнга показывает новое виденье психического здоровья. Шизофрения как патология – это не есть сплошное безумие и правильное понимание онтологической безопасности это нам и показывает. Достижение подлинности, видится Лейнгу, вслед за Хайдеггером, в заброшенности и безумии, это путь истинного исцеления.

Библиография

1. Bleuler E. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Leipzig, u. Wien: Deuticke, 1911.
2. Cromwell A.L. Assessment of Schizophrenia // Annual Review of Psychology: 1975.Vol/ 26. P. 593
3. Deurzen E. van. Paradox and Passion in Psychotherapy: An Existential Approach to Psychotherapy and Counselling. Chichester: Wiley, 1998
4. Engstrom E. J. Emil Kraepelin: psychiatry and public affairs in Wilhelmine Germany // History of Psychiatry. Vol 2. no 6. P. 111-132
5. Marnenos A. Late-Onset Mental Disorders. RCPsych Publications. 1999. 200 с.
6. MilhJ. The False Dasein: From Heidegger to Sartre and Psychoanalysis // Journal of Phenomenological Psychology. 1997. № 1. P. 42-65.
7. Tillich P. The Courage to Be. L., 1952.
8. Власова О.А. Рональд Лейнг: Между философией и психиатрией. М.: Изд. Института Гайдара. 2012. 464 с.
9. Каннабих Ю. История психиатрии. М.: АСТ. 2002. 560 с
10. Р. Д. Лейнг Я и Другие / Пер. с англ. Е. Загородной М.: Независимая фирма “Класс”. 2002. 192 с
11. Р.Д. Лейнг. Феноменология переживания; Райская птичка; О важном / Перевод с английского. Львов: Инициатива. 2005. 352 с
12. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии: сборник. 2007. Т. 2.
13. Эленберг Г.Ф. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ//

Экзистенциальная психология: сборник. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс. 2001. 619 с.
14. Лейнг Р.Д. Расколотое «Я». пер. с англ. СПб.: Белый кролик. 1995. 352 с.

Ontological Security of the Individual in R.D. Laing's Existential-Phenomenological Concept

Andrei L. Khomyakov

Postgraduate Student,
Department of Sociology and Philosophy,
Smolensk State University,
214000, 4, Przhivalskogo str., Smolensk, Russian Federation;
e-mail: nikezenhoror17@gmail.com

Abstract

The article analyzes the perception of reality and identifies differences in defense mechanisms during social interactions between schizoid and healthy behavioral types. Based on this analysis, the author describes his existential-phenomenological concept and identifies features of ontological security within the framework of "normality" and pathology. The conclusion demonstrates that R.D. Laing's existential-phenomenological concept of ontological security offers a new perspective on mental health. Schizophrenia as pathology is not pure insanity, and a proper understanding of ontological security reveals this. Following Heidegger, Laing sees the achievement of authenticity in abandonment and madness as the path to true healing.

For citation

Khomyakov A.L. (2025) Ontologicheskaya bezopasnost' lichnosti v ekzistentsial'no-fenomenologicheskoy kontseptsii R. Leynga [Ontological Security of the Individual in R.D. Laing's Existential-Phenomenological Concept]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (4A), pp. 125-133.

Keywords

Ontological security, ontological certainty/uncertainty, normality, pathology, schizophrenia.

References

1. Bleuler, E. (1911). *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien*. Deuticke.
2. Cromwell, A. L. (1975). Assessment of schizophrenia. *Annual Review of Psychology*, 26, 593-619. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.26.020175.003113>
3. Deurzen, E. van. (1998). *Paradox and passion in psychotherapy: An existential approach to psychotherapy and counselling*. Wiley.
4. Engstrom, E. J. (1991). Emil Kraepelin: Psychiatry and public affairs in Wilhelmine Germany. *History of Psychiatry*, 2(6), 111-132. <https://doi.org/10.1177/0957154X9100200601>
5. Marnelos, A. (1999). *Late-onset mental disorders*. RCPsych Publications.
6. Milh, J. (1997). The false Dasein: From Heidegger to Sartre and psychoanalysis. *Journal of Phenomenological Psychology*, 28(1), 42-65. <https://doi.org/10.1163/156916297X00035>
7. Tillich, P. (1952). *The courage to be*. Yale University Press.
8. Vlasova, O. A. (2012). Ronald Laing: Mezhdue filosofiei i psikiatriei [Ronald Laing: Between philosophy and psychiatry]. Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

-
9. Kannabikh, Yu. (2002). Istoriya psikhiiatrii [History of psychiatry]. AST.
 10. Laing, R. D. (2002). Ya i drugie [The self and others] (E. Zagorodnaya, Trans.). Nezavisimaya firma "Klass". (Original work published 1961)
 11. Laing, R. D. (2005). Fenomenologiya perezhivaniya; Raikaya ptichka; O vazhnom [The phenomenology of experience; The bird of paradise; On the important] (Trans.). Initsiativa.
 12. Ulanovskiy, A. M. (2007). Fenomenologicheskii metod v psikhologii, psikhiiatrii i psikhoterapii [The phenomenological method in psychology, psychiatry and psychotherapy]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology], 2.
 13. Ellenberger, H. F. (2001). Klinicheskoe vvedenie v psikhiiatricheskuyu fenomenologiyu i ekzistentsial'nyy analiz [Clinical introduction to psychiatric phenomenology and existential analysis]. In Ekzistentsial'naya psikhologiya [Existential psychology] (pp. 201-226). Aprel' Press: EKSMO-Press.
 14. Laing, R. D. (1995). Raskolotoe "Ya" [The divided self] (Trans.). Beliy krolik. (Original work published 1960)